

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ГАРМОНИЙ ЛИРИЧЕСКОГО ТИПА

Белов К. А., к.ф. н., доц., докторант

Волжский политехнический институт (Россия)

Аннотация. В статье указываются причины усиления лирического начала в художественных произведениях нового времени. Отмечается особая тяга сегодняшнего человека к предельно гармоническим художественным построениям: ведь через прикосновение с ними утоляется потребность в обладании безусловным (= идеальным) и возбуждается надежда на возможность построения всего нашего реального (= нашего практического) по “законам красоты”.

Ключевые слова: лирика, искусство, художественное произведение, художественная гармония.

Анотація. К. О. Бєлов. Соціокультурний зміст художніх гармоній ліричного типу. У статті зазначаються причини посилення ліричного начала в художніх творах нового часу. Акцентується особливе тяжіння сьогоднішньої людини до вкрай гармонійних художніх побудов: адже через дотик до них утамовується потреба у володінні

безумовним (= ідеальним) та збуджується надія на можливість побудови всього нашого реального (= нашого практичного) за “законами краси”.

Ключові слова: лірика, мистецтво, художній твір, художня гармонія.

Annotation. K. A. Byelov. Social-cultural sense of art harmonies of lyrical type.

The paper considers the reasons of extension of lyrical elements in modern of art and points at special inclination of today's man to the utmost harmonious poetical constructions: as through contact with them we can satisfy our craving for possession of something absolute (= something ideal) and we begin to hope for rebuilding all our real practical life in accordance with “laws of beauty”.

Key words: lyrics, art, work of art, art harmony.

«Не раз мы слышали от художников, что самый процесс описания – и притом, прежде всего, именно внешнего, сочного материального мира – доставляет им большее удовольствие, чем все духовные и иные доктрины, вместе взятые»

В. Гусев

«Диалектический материализм, прибавочная стоимость, объективные и субъективные факторы, самоотчуждение человека... Если бы я действительно стал читать обо всем том, что осталось бы от моего стиля?!»

Э. Хемингуэй

«Не лирика ли является в писаниях (телях) тем золотом, которое определяет их прочность и ценность?»

М. Пришвин

Постановка проблеми, анализ досліджень. Лірика – це єсть сокровенне людське. Не інтимне, а саме сокровенне. То єсть глибоке, основне. Но – сокрите. Сокрите тому, що єсть в людині трезве розуміння про себе, що то, к чому він устремлений духом своїм більше всього, – це єсть в реальній житті *невозможне*, дуже мало можливе. Вже томиється, мріє людина сильніше, невідмінніше всього по безумовному, повному співжиттю з світом, – з світом природи і з світом людини.

Одна єсть тільки реальність, яка спроможна утоляти це глибоке томління людського духа. Ця реальність єсть реальність *художественна*.

І вперше всього (щоб не сказати виключительно) така художественна реальність, яка єсть її *ліричний* варіант.

Отже це так з ліричним *художественним*?

Діло в тому, що в ліриці предметом зображення єсть по перевазі та частина дійсності, яка досягається людиною безсилно, – досягається слухом, зором, обонням. Матеріал життя *такому* досягненню – в відміння від всіх інших видів його освоєння – не спротивляється. Щоб таке досягнення здійснювалось, потрібно тільки споглядати, слухати, обоняти...

«... Я читав повість «Казак» – дуже хорошу повість. Там був літній зній, комари, ліс – такий різний в різні часи року – і річка, через

которую переправлялись в набеge татары; и я снова жил в тогдашней России». (Э. Хемингуэй).

«И я снова жил в тогдашней России...» Снова? Когда-то жил, а теперь – снова? Прошлое... Свое... Чужое... Далекое... Близкое... Что – в нем?

– Труд, тяжелый, непрестанный труд – чтоб продлить, как можно дольше продлить свое существование – чтоб отодвинуть от себя смерть...

И еще труд – и бывает, это иногда, что столь же тяжелый, как и первый, который из самой практической нужды, – еще труд – чтоб продлить себя, продлить свое существование – еще и после смерти, оставить по себе могущее – как можно дольше могущее – напоминать о тебе...

Да, нескончаемое напряжение... напряжение до самого последнего всегда момента. Вся жизнь... почти вся жизнь проходит в этом... Но мало, очень мало – чтоб что удавалось... то есть чтоб это так удавалось, как думаешь, как пытаешься, – как хотелось бы...

Но даже то, что тебе удастся – что тебе получается достичь, осуществить – оно ветшает, рушится оно – уже тут же!.. Везде, везде от всего – забвением, небытием...

И – безумно страстные попытки преодолеть это ужасное! – величественные мавзолеи, пирамиды, обелиски, триумфальные арки... – грандиозные, бессильные, жалкие попытки!..

Остатки древних поселений... зола костров, погасших во тьме неимоверности веков назад... костяные наконечники стрел... каменные тушеницы... заостренные голыши... – а что еще?

Развалины давно умерших городов... огромные плиты мостовых... толстостенные прямоугольники домов... крепко сложенные из плитняка ограды... сухие гулки колодцы... тусклые черепки глиняной посуды... бронзовые бляхи... красно-бурий спекшийся прах истлевших шлемов, мечей... глиняные таблички с письменами... – а что еще?

Их хозяйственные занятия, их нравы, их обычаи... – чтоб все это представить, понять, *почувствовать* – это ведь невозможно, – это очень трудно возможно, – это получается... получается как-то отвлеченно, как-то холодно – через воображение умом... да, больше умом...

Мало осталось свидетельств об их жизни; и много потому – неясного, темного тебе. Но главное – это, что какие сохранившиеся их вещи, они – об *обстоятельствах* их жизни, об их *умениях*, об их *мастерстве*, – они про то, что уже очень, очень давно и сильно очень изменилось; и интерес потому к этим вещам – это интерес *умозрительный*... Для *души* – эти вещи едва-едва, очень слабо живы. Они – приметы времени больше, приметы обстоятельств... И через это-то – для души эти вещи – много сильнее – неопровержимо, неопровержимо – об бренности... О том, что все, все – проходяще, тленно...

“И нет памяти о прежнем... “ И чувствуя так о тех, кто создал эти вещи, о тех, кому эти вещи служили, – думаешь... думаешь – что и твое, все рожденное из *обстоятельств*, из *условий твоей жизни*, – будет это твое все когда-то так же туманно, так же как-то пусто для тех, кто будет когда-то в каком-то потом...

И еще одно *невеселое* думаешь, когда глядишь на все эти отслужившие, на все эти мертвые, на все эти совершенно холодные вещи... Думаешь про *то, какой всегда ценой* доставались и достаются все, без исключения, вещи.

Сколько было, чтоб обладать ими, – всяких стараний, усилий... сколько всяких правых, сколько всяких неправых усилий...

Борьба за существование... за выживание... за продление себя... – все, все силы на это! Но – ничтожно, страшно ничтожно удастся нам хоть что, хоть что-нибудь здесь успеть!... !

“У меня не возникает ни одной мысли, от которой бы не веяло смертью...”

“Если человек научается думать, больше всего тогда думает он о смерти...”

“Гляжу ль на дуб уединенный,

Уже я думаю – прости! “

– они бесстрашно, обнаженно высказывали – и как это часто, как это постоянно у них! – выговаривали они то, про что мы, обычно – глубоко, тайно – молчим...

Эта поглощенность чувством... это ощущение близости, постоянной близости смерти... где-то совсем рядом... – во всем... во всем.

Эта странная, неотступная страсть к “унылым мечтаньям”... И эта “скука”, это “томление” – ото всего, что “радует, живит”, – ото всего, что “ликует и блещит”...

И – “нет дня, чтобы душа не ныла, не изнывала б о былом...”

И – “Все та ж высокая, безоблачная твердь...”

Все тот же запах роз, и это все – есть Смерть!.. “

“Дай вкусить уничтоженья, С миром дремлющим смешай...”

“А хорошо перемешаться с сырой старой землей и застлаться вечным забвением...”

Мало, это очень мало – чтоб среди них (как это и среди всех нас) – чтоб встречались противоположного, не *унылого*, склада души, – чтоб они – не про “последние цветы милей”, а про роскошество “первенцев полей”, – чтоб они, значит, сильнее обращены душою были не к этому, милому им, “увядающему”, а – к Жизни...

Рабле, Рубенс... – кого... да, кого еще можно назвать – чтоб они действительно *такими вот были*? Только чтоб это были они, конечно, из тех, которые – “*титаны духа*”?..

Как проще, как легче – всему мириаданому *другому* – но не человеку – со смертью!..

Все другое – против нее всем, всем! – всеми тоже силами своими сопротивляется ей – но *только по инстинкту*!

Но *предвидение*... но *предчувствие*... – все время знать, помнить – о своем конце!.. – боже, куда, куда – от этого?!

“Года четыре был я бессмертен,

Года четыре был я беспечен,

Ибо не знал я о будущей смерти,

Ибо не знал я, что миг мой не вечен...”

И потому – страшно больше, чем всякое какое другое живое, страшится, оцепенело страшится человек смерти... – потому – что он, как ни одно из других всех живых, – безумно, отчаянно-восторженно, изнемогающе любит он – живое все, – всю, всю эту жизнь!.. Ведь он – через то, что на нем – *это проклятие сознания* – может он обладать... дивно обладать! – жизнью, – он может охватывать, огромно охватывать жизнь – памятью... – представлением, мыслью!..

“Тот миг воскрес. И на пять тысяч лет

Умножил жизнь, мне данную судьбою... “

Эта работа твоего воображения... это все тобой представляемое... – это же все... все – *по твоей свободной воле!*.. – жизнь в воображении – это ведь жизнь в мире, где *все, очень многое – много больше, чем есть, то в действительности – тебе подвластно!*

Бывает – стоит это уловить лишь какой-нибудь запах... звук ли... блеск ли... и – в какое забытое, в какое далекое, в какое несуществующее – перенесешься!.. И сколько... о, сколько пройдет в тебе тогда времени!.. – за какие-то... какие-то эти неясные мгновения твоей внезапной... внезапной отрешенной неподвижности!..

Такое... такие эти твои нечаянные погружения *во всевозможное* – когда... когда время и пространство... когда все, все! – только по странной, неуловимой прихоти твоего сознания... – такое может случаться с тобой *через любое* – через любой запах, любой звук, любой блеск, любой цвет!..

Но из всего этого *любого* самая большая, самая притягательная, самая блаженнейшая власть над тобою... да, она всегда, всегда – у *Вольного Природного*.

Гармоничное, неизменное, вечное, даровое... – часто, постоянно – всю жизнь! – засматриваешься ты на него – с грустным задумчивым восхищением... – засматриваешься, из мира *Дейтельного*, – из мира, где – *только становящееся*, где все – *тяжелейшие напряжения*, где все – *эфмерность*!..

Природное... О нем – “О если бы можно было жить только ощущением!..“

Созерцание Природного... Созерцание Вещного. Созерцание *реального* Вещного и Природного... Созерцание Вещного и Природного *воспоминаемого*... Это последнее – это уже... уже совершенно, совершенно *особое чудо!* Ведь когда такое – когда *созерцаешь Природное по памяти* – ведь это тогда – *гармония из гармоний!* Да, именно, именно так! Ведь – *идеальный* тогда *материал* (вечное, неизменное, даровое), – *идеальные* тогда *его образы* (которые есть в твоём сознании, – которые то есть – совершенно тебе принадлежащее!) и – *идеальное этих образов сочетание!* *Идеальное* – потому что все, что в *ретроспекции* – все оно неизменно для всех всегда – *элегично* (ведь – *бывшее*, ведь – *невозвратное*). Но если оно *элегично* – оно ведь, значит, *едино* тогда *по тону!* То есть оно все – *гармоническое*, получается, *целое!*

Блаженнейшие минуты... Да, в том бесконечно, бесконечно *Давно*, когда это все только-только начиналось, – он тогда больше просто смотрел, просто слушал и... и – все это сопоставлял, обо всем этом думал, все это запоминал... И – уже пытался... пробовал уже как-то... Пробовал – *линией!*.. Пробовал –

краской!.. Пробовал – объемной формой!.. Пробовал – звуком!.. Пробовал – словом!.. Пробовал он *идеальное* – сделать своим! уловить его! удержать! – Пробовал он перевести, обратить *идеальное* – снова в *материальное*! – Пробовал он – *материализовать, воплотить идеал!*

Воплощенный, материализованный идеальный мир... – ведь именно к этому – и только, только к этому! – весь, весь человек!

Искусство... Создание художественного, поэтического... “Литература – созерцательное дело... “ Особость этого дела – *бескорыстное* делание его, – делание его из чисто духовной потребности. Но эта чисто духовная потребность... – было, уже было об этом *прочувствовано* сказано – “Все возвышенное – из простой житейской нужды...”

Так как же раскрывается, значит, человек в том своем деле, которое – искусство?

Раскрывается он в нем –

– как существо, познавшее цену *гармонии*,

– как существо, настроенное на нее всеми силами ума и души, – то есть как существо,веряющее *гармонией* все свое *практическое*.

Да, *практическое*. Потому как, будучи прежде всего должным действовать *реально, практически*, – ищет себе помощи человек и в идеальном, – пытается он сблизить, соединить – одно с другим.

Эпический род литературы... Соединение мысли и чувства...

Значит, в *поэзию, в художественное* обязательно, неминуемо вписывается *повесть о житейском... Житейское* “при свете поэзии”...

Но – когда нет этого света, – когда *одно только это житейское*, – тогда... и про это было уже, конечно, было уже *прочувствованно* сказано – “...Не следует давать имя искусства тому, что называется не так...”

Да, *чувство, чувство* – именно оно больше всего питает искусство.

Чувству же – ему хорошо, оно действительно чувствует – оно действительно живет – когда *воля* ему.

Воля же ему – самая большая, из всех самых возможных – она в *созерцании*. В созерцании самого свободного из всего известного существующего – *Вольного Природного*.

“Мыс Иракодзаки.

Голос коршуна... Что в целом мире

На тебя похоже?”

Говорят, будто б рассказывать разумным существам, ничего не знающим о нас, – рассказать им об уровне развития нашей цивилизации – можно это сделать за какие-то 70-80 секунд. Несколько цифровых данных – и уже будет ясно, *где мы, какие мы*.

Да, да по цифрам нам (или им) сразу становится понятно *как и что там*. Очень хорошо это понятно. Но – чтоб за цифрой вставал *живой образ* того, про кого, про что нам абсолютно все сделалось, значит, ясно... – *нет этого, нет!* Да,

точное знание – оно для нас знание какое-то *будто бы пустое*, какое-то *будто бы голое*. Хотя по логике...

Но душа – она к логике недоверчива. Она к ней – очень усмешлива... Она ведь много, много древнее ума. Она знает, она *чувствует*, что ум... – он может ведь и заблудиться среди огромного добытого им знания. Он может увлечься и позабыть – *откуда он, зачем он...*

Могущее устойчиво – сначала еще только мертво – существовать...

Могущее уже живой плотью – бессознательно, по инстинкту – сообразовывать себя с *основным правилом жизни* (внешняя и внутренняя согласованность)...

Могущее это правило понять, оценить, полюбить и – сознательно, увлеченно следовать ему...

Могущее растратить, погубить себя – в изысках *предельного продления себя* – по этому правилу, – *могущее* растратить, погубить то, что было... – да, все-таки, все-таки было! – изначально дано... – нет, *даровано!*

Могущее понять необходимость возврата... возврата... – нет, не знаем, не знаем... – так, чтоб как-то очень определенно – не знаем...

Знаем только одно – прочь, прочь должен уходить человек из всего своего **ОДНОБОКОГО**, из всего своего **ЗАСТОЙНОГО** – из всего своего **УРОДЛИВОУСТОЙЧИВОГО** – прочь должен уходить человек из *заблуждения своего* – из своей *надежды*, будто можно как-то исхитриться, как-то рассчитать очень точно так – чтоб *не платить (иль минимально платить) за красоту*.

Да, через Знания, *только* через Знания – узнать человека – здесь можно и ошибиться очень сильно.

Человека – чтоб его действительно точно узнать и точно оценить – нужно смотреть его во всех его проявлениях, – в единстве действия, – в единстве жизни его ума, его души, его тела.

Такое – отчасти такое – знание о человеке дается *исторической наукой*.

Но у нее – у этой формы свидетельства об уровне развития человека – у нее тоже свои “недоговоренности”, свои “неточности” о человеке. Если Чистое Знание как свидетельство о Человеке слишком *чисто (голо)*, то, в противоположность ему, историческая наука... – этой науке слишком уж часто случалось бывать изрядно не свободной от примесей всевозможных пристрастий, то есть – *уродливых однобокостей*.

А вот та форма свидетельства о человеке, которая есть *искусство*... – ошибалось, ошибалось оно когда-нибудь?! – когда оно давало о человеке неполные, неточные, пристрастные свидетельства?!

Но если даже оно когда и ошибалось где, – ошибалось оно в той своей части, в той *сущей* своей части, которая – *художественное*?!

...Древнюю Грецию называют колыбелью нашей цивилизации. Так вот... так вот, оглядываясь на эту самую “колыбель”, – через кого мы лучше понимаем-чувствуем древнего грека? – через Птолея, Архимеда? – через Геродота,

Фукидида, Ксенофонта? – через Платона, Сократа, Аристотеля? – или... или через гончара Евфрония, из чьих рук вышла “Пелика с ласточкой”?!

... От дел своих, от своего этого *житейского* ото всего всякого разного того, что есть там в этом самом *житейском* – и стар и млад – к ней! – к ее стремительному вольному полету, к ее невнятному милому щебету, к ее тонко сверкающей черно-белой красоте... И стар, и млад – к ней!.. – К ней? к ней?! или – к самим себе – *истинным*?!

Итак:

1. Закон всего могущего устойчиво существовать – внутренняя и внешняя целесообразность.

2. Духовно-практическое освоение действительности (установление гармонии между собой и миром) как способ самоутверждения человека и цель его бытия (то есть гармония – заветнейший идеал человека).

3. Практическая недостижимость гармонии.

4. Разрыв:

а) между тем, что уже сегодня реально возможно и тем, что все же – по тем или иным причинам – не осуществлено,

б) между реально возможным вообще и тем, что всегда – безрассудно? или ... наивно-мудро? – упрямо мечтается, – а именно: Всеведение, Всесилие, Бессмертие.

5. Чувственные впечатления от действительности как основной материал *лирического* варианта искусства.

6. Существование *известного* числа областей *наиболее насыщенных* чувственной конкретикой.

7. *Ретроспективность* как преобладающая характерологическая черта искусства (из этого – *доминирование элегического* в произведениях искусства).

8. *Обилие природного* (пейзажного) материала в произведениях искусства как вторая *наиболее яркая* сущностная черта лирического искусства.

9. Обусловленность вышеуказанной характерологической черты искусства тем фактом, что в *человеческом восприятии* жизнь *Природного* есть жизнь *гармоническая* (повторяем: гармония есть давне-наисокровеннейшая, – но недостижимая – цель человека).

10. Тональная противоположность *житейского* (= человеческого) и *природного* (житейское – то со знаком +, то со знаком – ; природное (как правило) – со знаком +).

11. *Меланхоличность* Природного (это – через *грустное* наше любование этим Природным, – через *грустную* нашу зависть к его *вольному бытию*).

12. *Метаморфоза* печали:

а) печали от воспоминания былого, минувшего, невозвратного,

б) печали от созерцания *Природного* – в наитомительнейшее счастье (это через то, что образы *Воспоминаемого* и *Природного*, будучи мощно притягательными для нашего сознания, – нижутся в *долгие однотональные*

(напоминаем: *минорные*) ряды и – как *однотальное* – есть – наконец-то! – вожденная *гармония*.

13. Искусство как:

а) способ возбуждения (= воспитания) в человеке чувства формы, чувства гармонии,

б) способ идеального (= лежащего вне сферы практического осуществления) утолнения потребности в *немедленной* гармонии,

в) способ продления себя во времени (“Да сущим по нас оставим, да не до конца забвенно будет”),

г) высшее (т.е. духовное) руководство к *действию*, цель которого – отнятие у действительности черт “кажмости, внешности и ничтожности” делание “ее само-в-себе и само-для-себя сущей (объективно истинной)”.

Гармоническое... – потому и прекрасно оно нам, что все, что есть оно – оно способно *быть* – быть отчетливо-себя-явившим: быть деревом, быть травой, быть птицей, быть зверем, быть человеком...

Да, высокое, чистое, наитомительнейшее это счастье – понимать эту дивную тайну жизни. Понимать ее – просто созерцая ее, – понимать ее больше чувством – видеть ее, слышать ее, обонять ее...

Понимать эту прекрасную тайну жизни и – надеяться... Надеяться – что, может быть, когда-нибудь сумеем научиться мы... сделаем так мы, что будет доступно нам *создавать гармонию из материала нашей практической жизни*, что, может быть, сделаем когда-нибудь так мы, что станет доступно нам освободить реальность от случайного, от необязательного, – станет доступно нам дать действительности возможность к свободному развитию...

Да, именно в утверждении этой прекрасной надежды – надежды на конечное торжество Человеческого – надежды на возможность счастья – и заключается высокий *социальный* смысл всякого подлинного художественного произведения.

Владимир Одоевский так говорил о назначении настоящего искусства: “...Поэзия есть предвестник того состояния человечества, когда оно перестает достигать и начнет пользоваться достигнутым” [10, 400].

Лирическое начало всегда присутствовало в произведениях эпического рода. В одном случае оно могло звучать ярче, в другом – несколько глуше, – это, конечно, предопределялось особенностями духовного склада того или другого автора.

Но подмечено, что соотношение *лирического* (= субъективного) и *эпического* (= объективного) меняется не только от автора к автору, но и – и это, прежде всего! – в зависимости от особенностей времени создания того или иного *художественного*.

Первое – очень резкое – усиление лирического начала наблюдается в конце XVIII века (возникновение литературного направления, получившего наименование *романтизма*).

О лиризме романтического типа – причины, его породившие, и его характерные черты – об этом всё уже сказано.

Известно, что на смену романтизму пришел критический реализм. Говорить о его сущностных особенностях нужды нет: они подробнейшим образом описаны. Стоит только упомянуть одно очень тонкое замечание нашего отечественного литературоведа В. Днепровца: “Без соединения лирического начала с эпическим стал бы невозможен критический роман XIX века” [8, 97]. Это соображение, насколько нам известно, так твердо, так непререкаемо никем, кроме Днепровца, не высказывалось. А ведь в этом высказывании – пусть и не явно, пусть и не развернуто, пусть не аргументировано – но все же указано на то *родовое* свойство *художественного*, что его никогда и не может-то быть, если оно не *лирично*, - в той или иной мере.

О существе того лиризма, который был присущ произведениям критического реализма в XIX веке у В. Днепровца сказано так: этот лиризм – от взгляда автора на реальную действительность “с идеальной точки зрения”. То есть это лиризм по преимуществу морально-этического характера (= напряженное нравственное чувство).

И вот – век XX-й.

Новая – резко отличная от прежней – общественно-экономическая реальность.

И снова – как это уже было после революционных потрясений конца XVIII века – новая мощная лиризация *художественного*.

Об этом специфическом процессе в области искусства в Новое время говорили/писали многие авторы (и те, кто произведения искусства создает, и те, кто их только трактует).

Но, к сожалению, о причинах, вызвавших этот процесс лиризации *настоящего художественного*, говорится, на наш взгляд, слишком общо: крайнее усложнение организации жизни в современном социуме (верно, – но почему именно *лиризация*, а не что-то другое?!)

И ещё: отличается ли лиризм, присущий художественным произведениям нового времени, от лиризма эпохи романтизма и эпохи критического реализма? Если “да” (а *по чувству* мы знаем, что это так!), то *чем именно* отличается? Каковы его сущностные черты?

Новый *лиризм* – он *эстетического* рода?

Тот, кто художественно восприимчив, скорее всего, согласится: да, наверное, это именно так!

Но это по интуиции художественной так. А вот каковы этого лиризма *сущностные черты*? То есть что представляет собой тот *жизненный материал*, который идет на создание этого лиризма? И как этот материал *структурно организован* в художественном произведении? И каковы те цели – сознательные/бессознательные – которые преследуют авторы, насыщающие свои произведения лиризмом такого рода?

Обстоятельных ответов на эти вопросы нам не найти ни в отечественной, ни в зарубежной философско-критической литературе, в которой тема лиризации

высокого искусства XX века – где больше, где меньше – затрагивается. Имеются всего лишь отдельные замечания об этой яркой художественной тенденции.

Проблема же лиризации искусства (того, которое достойно так называться) – совсем не частная, совсем не второстепенная проблема. Ведь речь когда идет о лиризме того или другого типа – тогда речь идет об особенностях нашей духовности. Особенности же нашей духовности – они определяют наше отношение к миру и, в конечном счете, особенности и направления всех наших *жизненных действий*.

“Основной конфликт писания – конфликт поэзию чувствующего и нет”, – это из дневника одного из самых социальнейших и одного из самых поэтичных писателей – Льва Толстого.

Значит, *поэзия* во всех писаниях есть *главное*?

Да, это именно-именно так: ведь поэзия – это красота. А красота – это гармония. То есть внутренняя и внешняя уравновешенность, упорядоченность. А наши усилия – все! – они ведь направлены на подчинение себе материала жизни. То есть на гармонизацию этого материала. Способы же гармонизации материала жизни – мы ведь их всегда понимаем каждый в меру своего разума – то есть в меру своей способности к постижению внутренней и внешней целесообразности *всего*.

Вот и получалось, что совсем не эстетствовал Лев Толстой, когда поэзию называл *сутью нашей жизни*.

Выводы. Из сказанного следует, что когда мы говорим о *писаниях*, – нам должно говорить о *существовании* их, – т.е. о *поэзии* их.

Литература:

1. Анастасьев Н.А. Продолжение диалога. – М.: Советский писатель, 1987. – 430 с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 500 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 422 с.
4. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. – М.: Республика, 1995. – 383 с.
5. Буткевич О.В. Красота. Природа. Сущность. Формы. – Л.: Художник РСФСР, 1983. – 437 с.
6. Бычков В.В. Эстетика. – М.: Гардарики, 2006. – 572 с.
7. Гусев Вл.И. Герой и стиль. – М.: Художественная литература, 1983. – 285 с.
8. Днепров В.Д. Проблемы реализма. – Л.: Советский писатель, 1961. – 370 с.
9. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политическая литература, 1991. – 525 с.
10. Паустовский К.Г. Избранная проза. – М.: Художественная литература, 1965. – 606 с.
11. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 613 с.
12. Соловьёв В.С. Сочинения. М.: Раритет, 1994. – 445 с.
13. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993. – 414 с.
14. Фромм Э. Человеческая ситуация. – М.: Смысл, 1995. – 239 с.
15. Хрестоматия по теории литературы. – М.: Просвещение, 1982. – 448 с.
16. Яковец Ю.В. История цивилизаций. – М.: ВлаДар, 1995. – 460 с.
17. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1991. – 525 с.